

РОЛЬ ПОЧИТАНИЯ "НЕБА" У ТЮРОК РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (VI – VIII вв.) В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЫСШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Сацкий Павел Викторович

ГБУЗ "Киевский национальный экономический университет имени Вадима Гетьмана", к.и.н., доцент кафедры
политической истории (Украина)
e-mail: pavangard@i.ua

РЕЗЮМЕ

В статье анализируются проявления почитания Неба у тюрков раннего Средневековья. Исследуется роль почитания Танри (Неба) в системе правового обеспечения формирования высшей государственной власти, общественного статуса кагана и конструировании системы государственного управления в целом.

Ключевые слова: тенгрианство, каган, Небо, государственная власть, тюрки раннего Средневековья.

РЕЗЮМЕ

У статті аналізуються прояви шанування Неба у тюрків раннього Середньовіччя. Досліджується роль шанування Танрі (Неба) в системі правового забезпечення формування вищої державної влади, суспільного статусу кагана і в конструюванні системи державної влади в цілому.

Ключові слова: тенгрианство, каган (хан), Небо, державна влада, тюрки раннього Середньовіччя.

ABSTRACT

In this article there has been made the analysis of the manifestation of the worship of the Sky by Turks in the Early Middle Ages. The analysis of the worship of Tanri (Sky) in the system of the legal ensuring of the forming of the highest government management, social status of the Khagan and building of the system of government management in total has been made.

Keywords: tangrians, khagan (khan), Sky, state power, the Turks of early Middle Ages.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Государственность номадов Средневековья заслуживает на особое внимание благодаря своей уникальности. В Евразийской Степи государства стремительно возникали и так же стремительно распадались. Иногда возникали государства, площадь которых охватывала миллионы квадратных километров, при этом, они имели ярко выраженную этническую характеристику. Речь идет о тюркской государственности, с коей связано позднейшее возникновение ряда государств и на сегодня многие государства и народы считают себя преемниками тюркской государственности. Помимо этнического корня тюрки имели религиозную идентичность, в период раннего Средневековья они в большинстве исповедовали тенгрианство.

Тенгрианская религиозная система в период раннего Средневековья не достаточно точно реконструирована по причине неполноты данных о ней, но с точностью можно утверждать, что ее ключевой составляющей было почитание Неба. Именно небопочитание и требует изучения в контексте государственности тюрков раннего Средневековья. Прежде всего, потому что каган, который олицетворял верховную власть у тюрков, выделялся небесным подобием и происхождением [7, с. 33; 8, с. 60; 10, с. 37]. Наиболее полно религиозную и одновременно государственную систему тюрков раннего Средневековья раскрывают мемориальные надписи в бассейне рек Орхон и Енисей, посвященные памяти умерших представителей племенной знати. Эти надписи выполнены тюркским руническим письмом.

Проблеме роли и места сакральной сущности Неба в системе тюркской государственности посвящено немного научных работ. Среди них следует выделить основателя исследователь-основоположник науки тюркского права Садри Максуди Арсала [11]. Он сделал попытку реконструкции тюркского тенгрианства раннего Средневековья, обратив внимание на сущность Неба. Социально-политическую структуру общества и государственности тюрков раннего Средневековья исследовали А. Бернштам [2], В. Бартольд [1], С. Кляшторный [4]. Эти исследователи наибольшее внимание уделяли экономическим предпосылкам формирования государственности. Но следует обратить внимание на правовые основы формирования тюркской государственности и происхождения государственной власти у тюрков раннего Средневековья. Прежде всего, потому что эта проблема не находила должного внимания к ней со стороны исследователей, хотя большинство источников по истории и филологии тюрков раннего Средневековья носят правовой характер. На сегодня в научный оборот введено достаточно много тюркских источников, чтобы начать реконструкцию правовой системы их государств, которые сыграли значительную роль в средневековой истории.

Целью статьи является исследование роли и места сакральной сущности Неба в системе государственной власти у тюрков раннего Средневековья. Прежде всего, следует обратить внимание на понятие небесной сущности тюркского кагана и сочетания роли Неба и других почитаемых тюрками

компонентов их мировоззрения. Необходимо проанализировать роль и место Неба в процедуре легитимизации власти тюркского кагана. Следует также провести анализ понятия Небо на предмет выявления в мировоззрении тюрков раннего Средневековья его физической и сакральной сущности.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

В мировоззрении тюрков по воле Неба совершаются все деяния государственного значения. Согласно стеле Кюль-Тегина, тюркский народ возродил свой каганат (Второй тюркский каганат) по воле Неба, Земли и Воды, которым не угодно было, чтобы погиб тюркский народ, взбунтовавшийся против власти тагбач (китайцев). Далее, в стеле говорится, что Небо наделило кагана силой и возвысило над всеми тюрками. Видно, что когда речь идет о спасении всего народа от гибели, на равных его судьбу определяет и Небо, и Земля, и Вода. Выдающийся тюрколог С. Малов объединяет в своем переводе стелы три сущности, которые спасают народ, понятие Родина. Далее же, когда речь идет о возвышении кагана над всеми тюрками, судьбу решает лишь Небо [7, с. 37; 8, с. 66, 67; 10, с. 19]. В этом случае следует обратить внимание на двойственность сущности Неба. Очевидно, что в первом случае мы имеем дело с его физической сущностью, как составляющей частью пространства, занимаемого народом, так же тюркскому народу помогли выжить его Земля и Вода. То есть, эти составляющие компоненты ойкумены обеспечили тюркам выживание. Тогда возникает вопрос, почему именно Небо возвышает кагана над остальными тюрками.

Этот вопрос стремился разрешить Садри Максуди Арсал и пришел к выводу, что тюркское тенгрианство было монотеистической религией и центральное место в ней занимал Танри (Небо) [11]. Собственно, текст стелы Кюль-Тегина говорит о небесном происхождении тюркской государственности времен мифических каганов Бумыня и Истеми, называя тех тюрков «небесными» или «голубыми». И «Небо дарит ханам государства» и «садит на кагана» и по воле Неба каган отнимает племенные союзы у тех кто их имеет. Снова мы имеем дело с исключительно небесным происхождением государственности. Вместе с тем, Земля также, согласно надписи Кюль-Тегина, имеет влияние на тюркскую государственность. В одном фрагменте рядом с Небом, которое давит на народ, речь идет о Земле, которая разверзается, когда народ предаст своего кагана. Очевидно, в этом случае речь идет о бедствиях и Небо и Земля не способствуют тюркскому народу, когда он отступает от государственной власти, установленной Небом. Следует отметить, что тюркские надписи говорят о потере государственности как о наибольшей беде, которая постигает народ. Следствием потери государственности является потеря средств к существованию, поскольку каган делает бедный народ богатым, но это возможно при благосклонности к нему Неба, а потеря государственности ведет к его обнищанию. В этом случае сакральное почитание государственности тюрками вполне логично, поскольку государство давало возможность сохранять за племенным союзом контроль над пастбищами, совершать походы ради добычи и получать дань. Результативность создания племенного союза, который был сущностью государственности, и его военные успехи зависели от удачливости кагана, что видно на примере процесса создания каганата шадом (военачальником), когда за ним пошли сначала 17 воинов, затем 70, а затем 700 [7, с. 37, 39, 49; 8, с. 67, 69–71; 10, с. 19, 22, 24].

При этом следует учесть, что тюркские надписи содержат упоминания о богоподобных сущностях, которые почитаются, особенно следует обратить внимание на «земную госпожу» Умай, «прародительницу». Она «не сотворила» людей «с шестью конечностями» и не создала коней на трех ногах. Параллельно упоминается также Эркилг, который «разлучает» с земной жизнью покойных и этот Эркилг является «повелителем подземного царства». Данная надпись особенно интересна для реконструкции религиозной системы тюрков VI–VIII веков, поскольку в ней параллельно присутствуют божество, ответственное за рождение, при этом проводится равенство между людьми и скотом, и божество, ответственное за смерть. Причем, эти божества не противопоставляются и мирно сосуществуют. Следует отметить, что они, согласно тексту стелы независимы от Неба. Кроме того, Небо хранит (Tanrı) хранит исключительно государство и хана [5, с. 81, 192–193; 6, с. 94, 119–120]. Поэтому, следует вывод, что Небо ответственно лишь за рождение человека в ипостаси кагана, верховного правителя, за рождение государства либо за спасение народа от гибели. Судьба отдельных личностей и каждого живого индивидуума в отдельности во власти других божеств.

Тексты могильных стел указывают на почитание тюрками небесных светил. К примеру, мемориант выражает скорбь по поводу того, что он «перестал видеть в синем небе солнце» [5, с. 219; 6, с. 136]. То есть, здесь видно еще одну ипостась Неба, чисто физическую, небо, которое имеет цвет и на котором присутствует светило-Солнце. В данном случае, речь идет о сожалении, запечатленном на мемориале от имени покойного, о том, что он со смертью потерял возможность созерцать «синее небо» и «солнце» как спутников его земной жизни и потерял физический признак жизни – наслаждаться миром. Поэтому, следует разделять представление тюрков о сакральной и физической сущности Неба. Но возникает вопрос, а почему, Небо у тюрков раннего Средневековья являет свою сакральную сущность только для кагана и всего народа в целом? На этот вопрос дают ответы отдельные фрагменты стел, а именно, Кюль-Тегина, где сказано, что каган сделал бедный народ богатым и многочисленные надписи, в которых знатные тюрки посвящают себя, свое все достояние и близких хану. Лишь государство, союз племен, могло обеспечить для всех подвластных ему народов пастбища, соответственно, и ресурсы для существования. Поэтому источник всех достижений следовало видеть в государстве. Напротив, при плохом почитании хана и отказе от следования его

наущениям государство распадается, а народ оказывается вместе с его знатными людьми на краю гибели, о чем говорит стела Кюль-Тегина [7, с. 37; 8, с. 65; 10, с. 18]. Соответственно, лишь хан как глава рода-племени и, в одночасье, являясь аналогом понятия «собиратель племен» [2, с. 99–100] удостоен чести быть «неборожденным» и «небохранимым».

«Небохранимость» и «неборожденность» тюркского кагана характеристика, которая, четко прослеживаясь в мемориальных текстах, позволяет исследовать и определить основные принципы правопреемства тюркских государств раннего Средневековья. Известно, что в эпоху раннего Средневековья существовали поочередно такие тюркские государства как Первый тюркский каганат (552–603 гг.), Восточно- и Зараднотюркский каганаты и Второй тюркский каганат, который был восстановлен Бильге каганом (Мудрым каганом) после нескольких десятилетий пребывания тюрков под властью китайской династии Тан. Источники, которые в нашем распоряжении, позволяют частично реконструировать принципы смены одной политической системы, господствующей в тюркских степях, на иную. Это источники собственно тюркского и китайского происхождения и их содержание необходимо сличать.

Прежде всего, стоит довольно сложный вопрос разделения Первого тюркского каганата на Западный и Восточный, какова была процедура и принципы преемственности этих двух государств политико-правового наследия тюркской империи, созданной легендарным Ашиной. Имеются довольно краткие сведения Н. Бичурина из китайских источников о том, что «Дом Тукюз почти при начале своем разделился на два: восточный и западный» [3, с. 227]. То есть, разделение каганата было заложено изначально. Очевидно, наследование Первого тюркского каганата двумя государствами-преемниками происходило по принципу разделения династической ветви на два ответвления. Китайские источники говорят про династии Западно- и Восточнотюркского каганатов как про равноправных династических наследников своего государства преемника. Очевидно, каганы обоих каганатов себя идентифицировали в качестве преемников Первого тюркского каганата. Сведения Н. Бичурина следует сравнить со сведениями тюркских источников, прежде всего, стелы Кюль-Тегина, источником, который, фактически содержит краткую историю тюркской государственности, а также историю тюркской правовой системы, являясь в своем роде источником права. Об этом можно судить, находя в тексте стелы фрагмент, в котором каган обращается к своим подданным и призывает их слушать его речь, поскольку она мудрая, которая должна быть им руководством к действию следованию по ее указанию. При этом, каган стремится чтобы его речь не была искажена, а передана на стеле верно, что следует из фрагмента, в котором фиксируется факт привлечения для ее нанесения на стелу китайских мастеров. Это мастера, по замыслу кагана, должны были верно передать его речь. Стремление нанести слова на камень максимально верно говорит о том, что они должны были, фактически, стать правовыми нормами. Более того, каган призывает своих подданных слушать его речь хорошо [Малов]. Следует отметить, что каменная стела в мировоззрении тюрков раннего Средневековья являлась средством увековечить что-либо, нанесенное на нее. Об этом свидетельствует текст одной из енисейских стел, которым вечность камня с мемориальным текстом сравнивается с вечностью земли [6, с. 27]. Поэтому, можно сделать вывод, что тюркский каган был источником права и мемориальными надписями, которые наносились по его воле, устанавливались правовые нормы, коим необходимо было следовать его подданным. Поэтому текст стелы Кюль-Тегина можно рассматривать в качестве официальной истории государства и права тюрков раннего Средневековья.

Этот текст содержит интересный фрагмент периода тюркской истории, который следовал после времен процветания «небесных» тюрков, очевидно, имеется ввиду Первый тюркский каганат. Это период распада каганата. О нем говорится, что мудрых каганов Бумыня и Истемы наследовали «глупые каганы» и «у них были глупые буюруки» (приказные). Поэтому каганат начал распадаться. Период смут в тексте стелы описан довольно красочно и, посему, он содержащий большее число интересных эпизодов правового характера. К примеру, привлекает внимание фрагмент, в котором сказано, что «младшие братья не были подобны старшим». Очевидно, речь идет о династических междоусобицах. И уж далее следует подчинение тюрков китайскому императору, что текст стелы описывает как наиболее трагический период истории смутного времени. После этого периода смут наступает возрождение, связанное с Бильге-каганом. Об этом возрождении говорит и стела Тоньюкука [9, с. 54]. Очевидно, что в тексте стелы Кюль-Тегина объединено период после завершения существования Первого тюркского каганата и до возникновения Второго тюркского каганата. Причем, этот смутный, исходя из позиции меморианта, период описывается как череда событий различного характера, от династических свар до народных волнений и завершая подданством китайскому императору и потерю тюрками своей этнической идентичности [7, с. 37; 8, с. 65; 10, с. 17]. Из этого следует, что период существования Западно- и Восточнотюркского каганатов стела подает как начало и предпосылки для более позднего периода прекращения существования тюркской государственности и этот исторический период в ее тексте подразумевается под «младшие братья не слышали старших». То есть, произошло обычное разделение раннефеодального государства на своего рода вотчины между династическими ветвями. Но, тем не менее, стела говорит о каганах того времени как о полноценных преемниках государственности Первого тюркского каганата, хотя и «не разумных». Посему, тюркские государства, возникшие после распада Первого тюркского каганата были его правопреемниками, сохранив династию, традиции и осознавая себя таковыми.

Но в дальнейший период смуты, когда тюрки стали служить народу табгач (китайцам) они утратили свою национальную идентичность, о чем говорит фрагмент, в котором указывается, что беги приняли

китайские звания и титулы. Потеря национальной идентичности и государственности стала угрозой для самого существования тюркского народа и от гибели тюрков и защитило их Небо, Земля и Вода. Здесь видно, что существенным условием преемственности прежней государственности является следование традициям и сохранение этнической идентичности, а также титулов и званий в своей национальной системе государственности. Более того, как указывает текст стелы, тюркам следовало не класть свои силы ради славы табгач [7, с. 37; 8, с. 65-66; 10, с. 18]. Об этом факте в период подданства китайскому императору стела говорит с сожалением. То есть, следовало народу свои силы посвящать своей государственности.

Но тогда возникает вопрос, следуя каковым правовым принципам, Второй тюркский каганат, восстановленный после периода смут, стал правопреемником Первого каганата. Этот эпизод истории тюркского государства и права раскрывает также текст стелы Кюль-Тегина, прославляя первых мифических каганов Бумыня и Истеми. Текст стелы говорит, что Второй тюркский каганат стал преемником Первого, признавая источником своего права на существование преемственность «небесных» тюрков. То есть, Небо снова играет роль фактора, который легитимизирует высшую государственную власть. Но простой декларации преемственности «небесных» тюрков и «небохранимости» для преемственности прежней государственности очевидно, было не достаточно. Тюркского кагана должны были признать таковым его подданные, поскольку именно к ним и были обращены его слова с призывом слушать его речь хорошо.

Тюркские тексты говорят о постоянных походах мемориантом, которым они посвящены, особенно указывая на успешность этих походов. Об этих успехах говорят как стелы, посвященные подвигам каганов, так и посвященные бегам и прочим властителям более низкого ранга [6, с. 33]. То есть, успешные походы были залогом удержания и легитимизации своей власти. Собственно, военные походы решали ряд жизненно важных вопросов для тюрков раннего Средневековья, как то расширение пастбищ, доступ к водным ресурсам, контроль над охотничьими угодьями и прочее. Не даром в тексте стелы Кюль-Тегина о хорошем кагане говорится, что он бедный народ сделал богатым [7, с. 36, 38; 8, с. 64, 68; 10, с. 16–17, 20]. В то же время, народ, который не был достаточно верен своему кагану получал наказание от Неба, которое на него «давило», а Земля под ним «разверзалась». При этом текст стелы указывает, что такой народ, который не верен своему кагану становится бедным и малочисленным. Поэтому, под бедностью и малочисленностью следует понимать наказание Неба и Земли за неверность кагану. Скорее всего, здесь имеется ввиду, что народ без надлежащей защиты и организации со стороны кагана не имеет возможности надлежаще эксплуатировать свои ресурсы. Поэтому, в данном случае, имеет место почитание чисто физических характеристик Неба и Земли, то есть без организации их эксплуатация неэффективна.

Но когда речь идет о власти кагана и праве на ее осуществление, то на первый план выходит сакральная сущность Неба и только Небо легитимизирует право кагана осуществлять свои властные полномочия.

Следует отметить, что тюрки в надгробных надписях выражали сожаление по поводу кончины меморианта. При этом немаловажно, что в надписях часто сожаление высказывается от имени меморианта по поводу его расставания со своими родственниками, имуществом и государством, этим всем мемориант «не наслаждался», а также от имени его родных и дружинников, есть случаи выражения сожаления одновременно и от имени меморианта, и от имени его соратников [5, с. 38, 56–57, 62–63; 6, с. 115, 117]. Этот факт для исследования небесной сущности высшей государственной власти немаловажен, поскольку указывает, что тюрки четко проводили грань между жизнью и смертью. То есть, в момент смерти они видели полное расставание с покойным и переход точки не возврата. Соответственно, на мемориалах высказывалось сожаление о потере эффективного администратора или служащего, в загробной жизни земная жизнь продолжения не имела. Соответственно, мемориантом не были завершены его земные дела и, если речь идет о кончине высшего государственного лица, то вопрос должен стоять о судьбе государства. Поэтому, получается, что Небо способно даровать человеку его социальное положение кагана и способно возвысить его племенной союз, но уже не от Неба зависит чисто физический процесс старения, умирания кагана, дальнейшего существования его дитяща-государства после смерти. На это указывает фрагмент их стелы Кюль-Тегина, в котором говорится о грехе народа перед покойным каганом, поскольку его потомки и народ не следовали его воле. Вследствие этого на них должно было «давить Небо» и «разверзнется Земля».

ВЫВОДЫ

Таким образом, религиозная система тюрков раннего Средневековья довольно рационалистична. Небо являлось источником государственности и власти, но этим его функции ограничивались и лишь каган как ключевая институция государственности опекался Небом. Опека власти кагана со стороны Неба должна была признаваться его подданными, а показателем небесной опеки над властью кагана было успешное исполнение им его функций и обязательств перед народом, а таковые были очень значительными. В то же время, не следует смешивать понимание тюрками физической сущности Неба, которая у них стояла в одном ряду с сущностью Земли и Воды, и сакральной сущности. Сакральная сущность Неба была связана исключительно с властью кагана и только через нее определяла судьбу всего народа.

Поскольку Неба сопровождало тюркское государство и народ во всем их бытии и имело значительное как сакральное, так и правовое значение, дальнейшее исследование ее роли и места в правовой системе

тюрков раннего Средневековья открывает перспективы более полной реконструкции правовой основы социальных отношений и социальных гарантий для всех общественных категорий.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартольд В. В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии. Сочинения. В 9 тт. – Т. 5 : Работы по истории и филологии тюркских и монгольских народов. / В. В. Бартольд. – М. : Издательство «Наука», 1968. – 759 с.
2. Берштам А. Социально-экономический строй орхоно-енисейских тюрков VI-VIII. Восточно-тюркский каганат и кыркызы / А. Берштам. – М. – Л. : Издательство Академии наук СССР, 1946. – 208 с.
3. Бичурин Н. Я. (Иакинф) Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена / Бичурин Н. Я. (Иакинф). – В 3 тт. – Т. 1. – М. – Л. : Издательство Академии наук СССР, 1950. – 382 с.
4. Кляшторный С. Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история Центральной Азии / С. Г. Кляшторный. – С-Пб. : Наука, 2006. – 592 с.
5. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования / И. В. Кормушин. – М. : Наука, 1997. – 303 с.
6. Кормушин И. В. Тюркские енисейские эпитафии. Грамматика. Текстология / И. В. Кормушин. – М. : Наука, 2008.
7. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. Памятник в честь Кюль-Тегина / С. Е. Малов. – М. – Л. : Издательство Академии наук СССР, 1951. – 452 с.
8. Мелиоранский П. М. Памятникъ въ честь Кюль-Тегина съ двумя таблицами надписей / П. М. Мелиоранский. – С-Пб. : Типографія Императорской Академіи наукъ, 1899. – 144 с.
9. Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. Тексты и исследования. Памятник в честь Тоньюкука / С. Е. Малов. – М. – Л. : Издательство Академии наук СССР, 1951. – 452 с.
10. Радловъ В. В. Сборникъ трудовъ орхонской экспедиціи. IV : Древне-тюркские памятники в Кошо-Цайдамъ / В. В. Радловъ, П. М. Мелиоранский. – С-Пб., 1897.
11. Садри Максуди Арсал Тюркская история и право / Садри Максуди Арсал. – Казань : Издательство «Фэн», 2002. – 412 с.